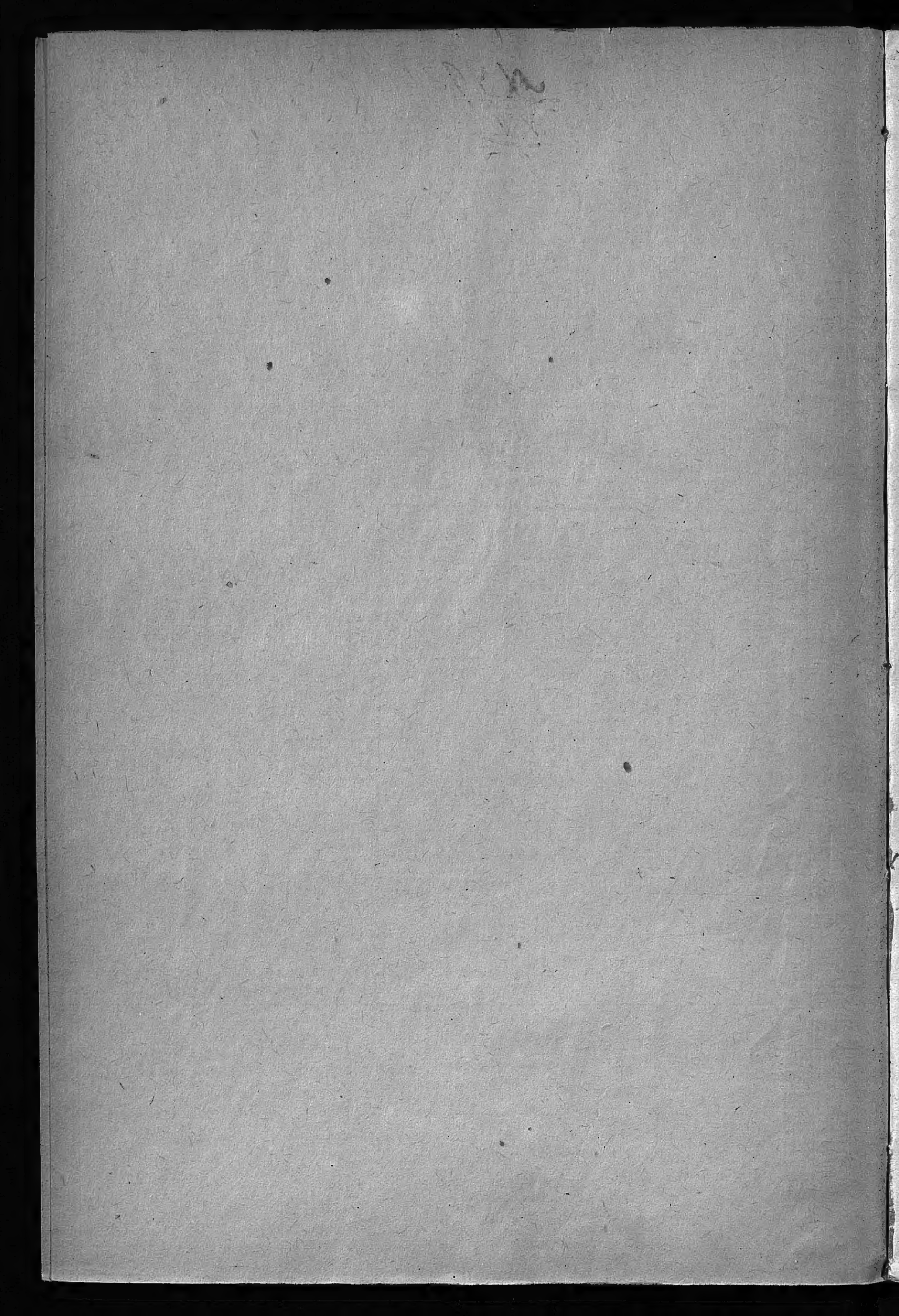

ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

Удалое
КАЗАЦКОЕ ДѢЛО

и лихія казацкія развѣдки.

МОСКВА, — 1914 г.

Храбрѣйшій герой

великой отечественной войны

Первый Георгіевскій кавалеръ

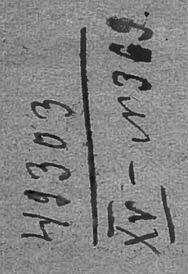
Славный казакъ Тихого Дона

КУЗЬМА КРЮЧКОВЪ,

и 12-ти лѣтній мальчикъ герой

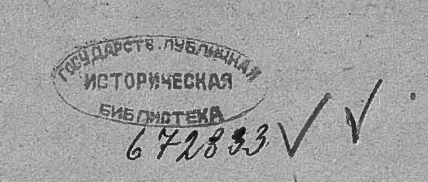
Георгіевскій кавалеръ

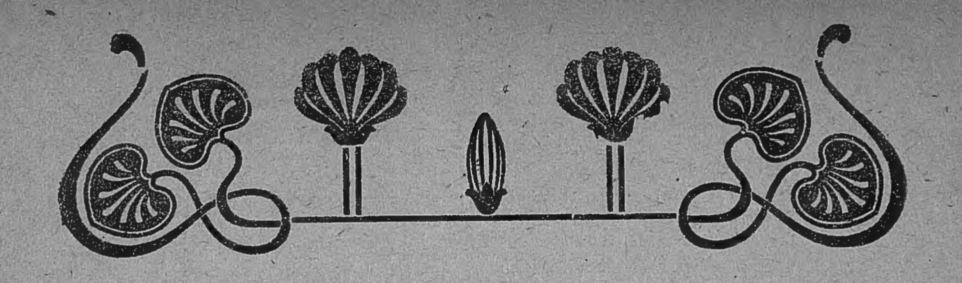
Андрюша Мироненко.

МОСКВА,
Типографія П. В. Бѣльцова, Чистопрудный проѣздъ, д. № 14.
1914 г.

Храбрѣйшій герой, сынъ Великаго Дона, казакъ Кузьма Крючковъ.

...Крючковъ какъ сказочный герой:
Одинъ одиннадцать убилъ,
За что Георгія на лентѣ
Себѣ въ награду получилъ.

Теперь имя Донского казака Кузьмы Крючкова извѣстно всему міру.

Всѣ теперь, отъ мала до велика, знаютъ о его богатырскомъ подвигѣ на полѣ брани, какъ онъ одинъ на своемъ лихомъ конѣ въ жаркой схваткѣ со врагами убилъ 11 нѣмцевъ и самъ получилъ много ранъ, но остался живъ и невредимъ.

Поистинѣ это чудо, это что-то изъ славной былины далекаго прошлаго.

Этотъ вольный сынъ тихаго, Великаго Дона, обвѣянный славными преданіями родныхъ хатъ своей станицы, совершилъ великое, небывалое, чудесное, храброе дѣло.

Въ жаркомъ бою, исколотый пиками, Кузьма Крючковъ, на своемъ лихомъ скакунѣ, выросшемъ какъ и самъ Крючковъ, на просторѣ вольныхъ, широкихъ степей, вихремъ носится по вражьему стану, среди гордыхъ, но трусливыхъ нѣмцевъ, нанося имъ смертельные удары.

Мѣтко и ловко работаетъ его острая пика, разя надменныхъ враговъ налѣво и направо.

Нужна неимовѣрная сила и ловкость, чтобы одному уложить на смерть 11 враговъ.

Носясь вихремъ, Крючковъ сѣетъ вокругъ себя смерть и враги валятся, какъ подкошенные снопы ловкой рукой косца.

Пройдутъ десятки лѣтъ, и о славномъ небываломъ геройствѣ Кузьмы Крючкова будутъ дѣти и внуки читать какъ сказку, но намъ живымъ современникамъ этого богатырскаго дѣла приходится быть свидѣтелями, что это не выдумка, не легенда, а настоящая, вчерашняя славная быль. Быль, засвидѣтельствованная его же друзьями по дѣлу и по оружію, такими же славными и храбрыми казаками.

Поэтому понятнымъ становится страхъ, который охватываетъ нѣмцевъ-враговъ при одномъ только словѣ: казаки!

Эта дѣйствительно непобѣдимая сила, больше—стихія, именно и вызываетъ невѣроятный ужасъ у того, противъ кого она направлена.

Да и какже не страшиться врагамъ, этой стихійной непобѣдимой силы, когда только одинъ казакъ наноситъ своимъ оружіемъ мѣткіе удары противнику и убиваетъ 11 человѣкъ. Это повторяю поистинѣ только и можно слышать въ сказкахъ, но никакъ не на дѣлѣ...

Но наши богатыри-герои казаки это совершаютъ на дѣлѣ.

Да, въ настоящее время казакъ Кузьма Крючковъ сталъ настоящимъ народнымъ героемъ великой Россіи.

Теперь о немъ гремитъ слава, какъ о славномъ былинномъ героѣ Ильѣ Муромцѣ, или о другомъ какомъ-либо героѣ излюбленномъ роднымъ народомъ.

Да, счастлива великая Россія и ея славный народъ, что у него есть свои богатыри, не сказочные, не выдуманные досужей фантазіей, а совершающіе чудеса на дѣлѣ, въ дни нашей войны съ надменнымъ, упорнымъ и гордымъ врагомъ...

Да, счастлива Россія, ей не дадутъ погибнуть ея богатыри. и всѣ враги ея будутъ побѣждены славными героями въ видѣ Кузьмы Крючкова.

Вотъ что разсказываютъ его храбрые товарищи о его геройскомъ подвигѣ на полѣ славы:

Казачій полкъ, въ которомъ служилъ Кузьма Крючковъ былъ отправленъ небольшими отрядами на развѣдку.

Въ каждомъ такомъ отрядѣ было по 6 человѣкъ.

Казаки—ребята всѣ очень отважные, но до Кузьмы Крючкова, конечно далеко, онъ какой-то особенный, онъ и въ жизни-то сорви-голова, удалецъ-молодецъ, и такой неустрашимый, что въ огонь и въ воду пойдетъ... для него все равно, и чѣмъ опаснѣй, тѣмъ для него лучше, чѣмъ злѣе и храбрѣе врагъ, тѣмъ для неустрашимаго героя охотнѣе драться. Казаки наши очень довольны, что матушкѣ — Россіи пришлось потягаться съ нѣмцами. Пусть теперь нѣмцы узнаютъ какъ драться съ донскими казаками. Казацкія пики хотя и не велики, но очень мѣтки и промахи ея рѣдки, глазъ нашъ вѣрнѣе часовой стрѣлки, изъ ста одинъ промахъ даетъ...

За это то насъ нѣмецкіе солдаты и не любятъ... Чертями насъ называютъ, а того не понимаютъ, что мы дѣти вольныхъ степей и широкаго Дона.

У насъ что ни конь, то огонь, что ни казакъ, то богатырь. Нашъ конь въ бѣгѣ въ полѣ съ вѣтромъ ровняется, да и тотъ порой отстаетъ.

Нѣмцы хорошо знаютъ, что нашъ братъ казакъ шутить не любитъ, живо голову на рукомойникъ и ай-да въ погоню за другой. Мы по нѣмецки разсусоливаться не любимъ, гулять такъ гулять, а воевать такъ воевать, въ брани некогда дремать!

А нѣмецъ, какъ казацкую пику завидѣлъ, сейчасъ и въ плѣнъ сдаваться, или какъ трусливый заяцъ въ кусты бѣжать, но отъ казацкой пули не убѣжишь, она догонитъ.

Были случаи, что при одномъ словѣ: „казаки", на нѣмцевъ столбнякъ нападалъ, и многіе въ обморокъ падали.

— Объясните пожалуйста, почему такъ всѣ нѣмцы и австрійцы такъ вашего брата казака боятся?

— Потому, что казацкая пика смертью пахнетъ и поэтому, какъ казака нѣмецъ или австріецъ увидитъ, такъ и зачахнетъ.

— Теперь вы будьте добры, разскажите, какъ Кузьма Крючковъ уложилъ одиннадцать нѣмцевъ?

— А вотъ теперь и до него очередь дошла, слушайте: дѣло было такъ: нашимъ казакамъ очень хотѣлось подраться съ нѣмцами, такъ руки и чесались... Стали просить начальство. Но вотъ скоро и подошелъ случай, поиграть пиками съ нѣмцами.

Отрядъ, въ которомъ находился Крючковъ, благополучно перешелъ границу. Непріятеля кругомъ нигдѣ не было видно. Отрядъ шагъ за шагомъ углубился въ Пруссію. Къ вечеру подошли къ одной рощицѣ въ ней заночевали.

Расположились на ночлегъ, развели огонекъ, разсѣлись въ кружокъ и стали разсказывать другъ другу были и не—были. Но болѣе всего разговоръ шелъ о томъ, какъ бы поскорѣе подраться съ нѣмчурой.

— А Крючковъ только и твердилъ „ужъ и поработаю же я съ охотки, страхъ какъ руки чешутся, да и пику поточить пора;—говоритъ, а самъ это пикой что тросточкой играетъ—вотъ она говоритъ милка, что твоя вилка, по пятку нѣмцевъ колитъ, а охота нападетъ и больше отъ ея удара упадетъ!“ а самъ такъ весь и горитъ, малый сорви-голова, удали и ловкости хоть отбавляй, а товарищъ такой, что и въ свѣтѣ не найти, послѣднимъ подѣлится, а весельчакъ такой—на всемъ Донѣ одинъ. Пѣсни поетъ, что майскій соловей въ лунную ночь, плясать, тоже мастеръ какихъ поискать, словомъ на всѣ руки молодецъ. А ужъ скакать на конѣ, съ нимъ никому и не угнаться, молоньей летаетъ и съ земли пику на полномъ скаку поднимаетъ, мы то на него и то всѣ диву дивимся.

Такъ прошла ночь. Крючковъ все время говорилъ, что сегодня онъ, если придется поработать, поточитъ свою пику о нѣмецкія спины, а то малость потускнѣла... Да и всѣ мы горѣли желаніемъ подраться съ нѣмчурой, ужъ очень мы на него злы, вѣдь мы и раньше слышали, что они проклятые никому на свѣтѣ покою не даютъ, все драться хотятъ, все пушки отливаютъ, цеппелины строятъ, корабли, крѣпости укрѣпляютъ и всѣмъ грозятъ, что предъ ними будто ни кто

не устоитъ, анъ не тутъ то было, самъ то нѣмчура проклятая только держись, въ прахъ разнесемъ... а французы, а англичане, тѣ ему такого звону дадутъ, что на вѣки оглохнетъ... такъ-то.

Такъ мы дождались разсвѣта.

Утромъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ показался разъѣздъ прусской кавалеріи.

Сначала казаки насчитывали всего 10 нѣмецкихъ всадниковъ.

Старшій казакъ съ нарочнымъ послалъ объ этомъ донесеніе начальству.

Черезъ нѣкоторое время опредѣлилось, что къ прусскому разъѣзду присоединился другой. Теперь нѣмцевъ было уже 27 человѣкъ.

Старшій отправилъ донесеніе, что казаки намѣрены заманить нѣмцевъ къ мѣсту расположенія русской пѣхотной части.

Выполнить это взялись оставшіеся послѣ отправки нарочныхъ четыре казака: Крючковъ, Щегольковъ, Иваньковъ и Астаховъ.

Когда нѣмцы приблизились на разстояніе ружейнаго выстрѣла, казаки спѣшились и открыли огонь.

Офицеръ, начальникъ нѣмецкаго отряда, что-то скомандовалъ.

Прусскіе кавалеристы начали быстро удаляться.

Въ это время наши казаки вскочили на коней и съ гиканьемъ помчались на непріятеля. Летѣли вихремъ, ажно вѣтеръ гудѣлъ, да пыль крутилась.

Между нѣмцевъ произошло смятеніе.

Это мы замѣтили. Они всѣ засуетились, что то залопотали, видимо наше появленіе имъ было не по нутру... словомъ струсили, а намъ это и на руку было. Хорошо,.. мчимся это мы, вдругъ слышимъ пронзительные крики:

— Кашланы! Кашланы!

Это они такъ нашего брата называли.

Тутъ произошло что-то неожиданное... Кузьма Крючковъ на своемъ скакунѣ обогналъ товарищей и врѣзался въ нѣмцевъ... тѣ еще больше отъ такого сюрприза опѣшили.

Подлетѣвшіе казаки увидѣли Крючкова окруженнаго нѣмчурами, шашка его летала въ воздухѣ надъ головами непріятелей, онъ ею какъ перышкомъ размахивалъ направо и налѣво.

Товарищи всѣ такъ и подивились, но не струсили и также принялись за дѣло.

Отъ взмаховъ Крючкова отъ прусаковъ только пыль летѣла: кто держался за голову, кто валился съ лошади, кто что-то бормоталъ, визжа какъ поросенокъ, словомъ суматоха была невообразимая, а Крючковъ среди нихъ носился орломъ, отражая враговъ направо и налѣво, только слышалось, какъ лязгало желѣзо, да летѣли искры отъ жестокихъ, мѣткихъ ударовъ.

Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Затѣмъ люди и лошади,—все смѣшалось въ общей свалкѣ.

Битва шла жестокая. Крючковъ то точно выросталъ, то вновь исчезалъ среди непріятелей.

Вдругъ, случайно, одинъ изъ нашихъ казаковъ замѣтилъ, какъ въ этой жестокой свалкѣ къ Крючкову протискивается, сверкая глазами, прусскій офицеръ съ обнаженной шашкой.

Моментъ трагическій. Казакъ смекнулъ въ чемъ дѣло. Раздался выстрѣлъ и прусскій офицеръ, какъ снопъ повалился на земь.

Битва кипѣла.

Крючковъ моментально выхватилъ винтовку и хотѣлъ было выстрѣлить въ прусскаго унтеръ-офицера.

Но тутъ случилось нѣчто неожиданное...

Прусскій унтеръ-офицеръ ударилъ вдругъ Крючкова саблей по рукѣ и разсѣкъ ему пальцы, Крючковъ выронилъ изъ рукъ винтовку.

Но Крючковъ не струсилъ, онъ моментально выхватилъ шашку, какъ то весь взметнулся, шашка мелькнула въ воздухѣ и ударила по головѣ унтеръ-офицера. Съ пруссака слетѣла каска, видимо шашка скользнула по ней.

Новымъ, неожиданнымъ мѣткимъ ударомъ Крючковъ разсѣкъ прусскому унтеръ-офицеру шею, тотъ ухватился за загривокъ, по рукамъ бѣжала кровь, а

Крючковъ, какъ ни въ чемъ не бывало, работалъ направо и налѣво, вертясь волчкомъ.

Оставшись безъ начальника, пруссаки растерялись, между ними произошла паника, они не знали что имъ дѣлать и готовились дать дралка, но не тутъ то было, мы это смѣтили... Мы собрались съ духомъ и завязалась новая жаркая схватка... Нѣмцы это хотѣли удирать, но наши пули догоняли трусовъ и валили ихъ съ коней.

Въ этотъ моментъ два нѣмца набросились съ пиками на Крючкова и пытались выбить его изъ сѣдла, но это имъ не удавалось, Крючковъ сидѣлъ крѣпко, точно приросъ къ сѣдлу.

Крючковъ какъ то изловчился и схватился за непріятельскія пики и такъ рванулъ ихъ, что нѣмцы кубаремъ полетѣли со своихъ лошадей.

Вырвавъ у враговъ пики, Крючковъ снова, какъ левъ рванулся въ бой.

Сѣча была жаркая, отъ ударовъ шашекъ сыпались искры... а нѣмцы падали на земь, какъ снопья.

Нѣкоторые изъ пруссаковъ и хорохорились какъ индѣйскіе пѣтухи, но на дѣлѣ выходило не по геройски, не по казацки.

Прошло немного времени и изъ 27 нѣмцевъ, сражавшихся съ 4-мя казаками, осталось на коняхъ только трое, которые пустились въ бѣгство, остальные всѣ были перебиты, какъ курята...

Да и тѣ три бѣглеца, врядъ ли остались живы, потому что мы имъ пускали въ догонку свинцовыя пули, а казацкія пули не дуры, зря не летаютъ, а всегда попадаютъ мѣтко въ цѣль.

— Ну, а что было въ это время съ Крючковымъ?

— А было съ нимъ вотъ что. Крючковъ нашъ былъ раненъ во многихъ мѣстахъ, но онъ не терялъ духа... и не смотря на полученныя шестнадцать ранъ, онъ все время оставался въ строю и уложилъ одиннадцать нѣмцевъ... Вотъ что было съ Крючковымъ, а теперь слухъ есть, что онъ уже поправляется и снова собирается бить нѣмцевъ.

Разсказъ самого героя Кузьмы Крючкова.

Самъ Кузьма Крючковъ о своемъ геройскомъ поступкѣ разсказываетъ такъ:

„Часовъ въ 11 утра, наткнулись мы на нѣмцевъ, которые спускались съ небольшой горки. Какъ оказалось потомъ, всего ихъ было 27 человѣкъ, въ томъ числѣ офицеръ и унтеръ-офицеръ. Насъ было всего четверо—я, да мои товарищи—Василій Астаховъ, Иванъ Щегольковъ и Михаилъ Иваньковъ. Сперва нѣмцы то, завидя насъ—было испугались, а потомъ, расхрабрившись—и полѣзли. Имъ было удобнѣй, потому они на горкѣ, а мы внизу. Однако встрѣтили мы ихъ стойко и сразу уложили четырехъ. Затѣмъ, увертываясь отъ нападенія, мы разъединились и стали „работать“ въ отдѣльности. Направо дрался Щегольковъ, а налѣво Астаховъ и Иванковъ. На меня одного пришлось 11 человѣкъ нѣмцевъ. Видя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ и не надѣясь выйти живымъ, я рѣшилъ за дорогую цѣну продать свою жизнь. Когда я взялся ужъ было за винтовку, одинъ изъ нихъ рубанулъ меня по пальцамъ руки, и я винтовку бросилъ. Схватился за шашку. А лошадка у меня послушная, привычная. Какъ наскочилъ на нихъ, ну и давай работать... Въ это время чувствую, что получилъ нѣсколько разъ, но всѣ не важныя, царапины однѣ... За то за каждую „царапину“ я отвѣчаю здоровымъ ударомъ, отъ котораго „нѣмчуры“ падаютъ какъ мухи...

„А вотъ оно съ унтеръ-офицеромъ-то „ихнимъ“ какъ было. Наскочилъ онъ на меня—я отбился и за нимъ. Онъ давай-убѣгать. Я догналъ, взмахнулъ шашкой и рубанулъ по головѣ—только каска погнулась. Онъ опять убѣгать, пригнувши на бокъ голову. Я

снова взмахнулъ шашкой—и голова была почти отрублена.

— А какъ вы себя чувствовали отъ полученныхъ ранъ?

— Сначала ничего, а потомъ немножко стало кое гдѣ покалывать... Да и это ничего, потому что раны всѣ неважныя, такъ уколы одни да царапины, я и вниманія то на нихъ не обращаю... и думаю завтра же снова проситься въ битву... а то очень безъ дѣла то, скучно...

Такъ улыбаясь закончилъ герой свой разсказъ о своемъ богатырскомъ поступкѣ.

Кузьма Крючковъ молодой еще человѣкъ, красивой наружности, ему только 25 лѣтъ, средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія.

За доблестный поступокъ, Крючковъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ, кромѣ того Петроградцами поднесена драгоцѣнная шашка и много другихъ дорогихъ подарковъ.

Казакъ Астаховъ, товарищъ Крючкова носитъ на своей рукѣ трофей—спортсменскіе часы снятые съ убитаго имъ офицера послѣ жаркой битвы.

На родинѣ Крючкова вся семья пользуется всеобщимъ уваженіемъ.

Удалое казацкое дѣло.

Геройство и удальство казаковъ въ эту войну стало обычнымъ дѣломъ. Телеграфъ и газеты каждый день намъ приносятъ вѣсти о доблестныхъ геройскихъ поступкахъ молодцовъ—казаковъ.

Наши казаки, точно сказочные богатыри сильны, ловки, смѣлы, и совершаютъ истинныя чудеса храбрости на полѣ битвы.

Приведемъ нѣсколько живыхъ примѣровъ.

19 Августа, въ 1 часъ 47 м. дня казачій разъѣздъ изъ 10 человѣкъ наткнулся на нѣмецкій эскадронъ.

Нѣмцы струсили и, избѣгая рукопашной схватки, спѣшились и издали начали стрѣлять въ казаковъ.

Казаки поступили иначе, видя ихъ растерянность и нежеланіе принять рукопашный бой, они вихремъ понеслись прямо на враговъ, джигитуя и незамѣтно и ловко на скаку сползли подъ брюхо коней.

Получилось такое впечатлѣніе, что лошади будто скачутъ однѣ безъ всадниковъ.

Нѣмцы ликовали, онѣ рѣшили, что они своими мѣткими пулями сразили всѣхъ казаковъ и что тѣ попадали съ лошадей.

Недолго думая нѣмцы, радуясь своему успѣху побросали свои ружья и кинулись ловить добычу, то есть казацкихъ лошадей.

Но недолго пришлось порадоваться обманувшимся нѣмцамъ.

Казаки, завидя преждевременную радость враговъ и ихъ оплошность, мигомъ оказались на своихъ лошадяхъ, и съ гиканьемъ набросились на перетрусившихъ нѣмцевъ.

Началась работа и спустя нѣсколько минутъ казаки изрубили весь нѣмецкій эскадронъ.

Лихія казацкія развѣдки.

Какъ слѣдствіе нашихъ успѣховъ, подтверждаются вѣсти объ оставленіи пруссаками многихъ занятыхъ ими въ Польшѣ городовъ и селеній. Уходя, они все вывозятъ и уничтожаютъ, что нельзя захватить.

Жаркія перестрѣлки при развѣдкахъ нашей конницы съ прусскими разъѣздами почти всегда кончаются паническимъ бѣгствомъ нѣмцевъ. На дняхъ казаки наскочили на въ-трое большій разъѣздъ. Наши смѣло двинулись въ атаку и, несмотря на выстрѣлы, гнали нѣсколько верстъ. Многихъ переранили, семь изрубили до смерти и захватили много коней и амуниціи.

Одинъ разъ нашъ разъѣздъ въ двадцать человѣкъ встрѣтилъ пятьдесятъ прусскихъ кавалеристовъ. Завязался жаркій неравный бой. Прусаки дерзнули наступать, пытаясь окружить нашихъ кольцомъ. Трое нашихъ казаковъ карьеромъ двинулись на врага и изрубили четверыхъ. Прорубивъ кольцо, они открыли дорогу своимъ. Затѣмъ повернули пики во флангъ и стремительной атакой погнали почти втрое сильнѣйшаго врага, отчаянно отбивавшагося отъ града казацкихъ ударовъ.

Одинъ казакъ поломалъ о прусаковъ пику, поломалъ саблю и продолжалъ бить нагайкой, выбивая изъ рукъ пруссаковъ оружіе. Непріятель былъ прогнанъ.

Не менѣе лихая стычка завязалась 28 августа подъ самымъ Петроковомъ, гдѣ сорокъ два прусскихъ кавалериста, замѣтивъ нашъ разъѣздъ изъ тридцати человѣкъ у лѣса, бросились вразсыпную удирать. Наши погнались, настигая, рубя безъ милосердія коней и людей. Прусскій офицеръ упалъ съ раздробленной головой. Семнадцать пруссаковъ перерублено, четверо, бросивъ коней, молили пощады. Они взяты въ плѣнъ, остальные ускакали. Изъ нашихъ трое легко ранены. Одна лошадь убита.

Взято въ плѣнъ одиннадцать лошадей, много амуниціи, найдены цѣнныя бумаги въ офицерской сумкѣ. Германскій командующій велитъ увеличить ряды окоповъ въ занятыхъ городахъ, строить валы, ставить проволочныя загражденія.

Нѣмцы сильно окапываются, стремясь сохранить границу. Однако, съ каждымъ днемъ ихъ разъѣзды кончаютъ развѣдки ближе и ближе къ нормальной границѣ. Нѣсколько разъ наши охотники бывали на прусской территоріи, не встрѣтивъ врага.

Наши драгуны и казаки, ежедневные участники опасныхъ развѣдокъ и стычекъ съ противникомъ, бодры здоровы и веселы. Съ трудомъ сдерживаются начальствомъ отъ опасныхъ набѣговъ въ глубь страны непріятеля.

12-ти лѣтній мальчикъ-герой Георгіевскій кавалеръ Андрюша Мироненко.

Изъ Харькова „Р. У". сообщаютъ: Когда объявили войну, Мироненко рѣшилъ отправиться добровольцемъ и бѣжалъ изъ дома.

Послѣ многихъ мытарствъ мальчикъ добрался съ войсковыми поѣздами до одного изъ полковъ первой линіи. Командиръ полка отнесся снисходительно къ юному добровольцу и разрѣшилъ ему остаться въ полку. Солдаты сшили мальчику костюмъ и научили его владѣть револьверомъ и кинжаломъ.

Съ тѣхъ поръ Мироненко сталъ оказывать полку различныя услуги. Во время боя мальчикъ-доброволецъ набиралъ полные карманы патроновъ и переходилъ съ одной линіи на другую; раненымъ мальчикъ дѣлалъ перевязки и многихъ даже оттаскивалъ съ опасныхъ мѣстъ въ болѣе безопасныя, а затѣмъ сообщалъ объ этомъ санитарамъ.

Однажды, переходя съ одного мѣста на другое, мальчикъ заблудился и попалъ на непріятельскую артиллерійскую позицію. Дѣло было вечеромъ; австрійскіе солдаты ужинали и не замѣтили появленія мальчика. Юный герой, попавъ къ непріятелямъ, не растерялся, а, наоборотъ, рѣшилъ воспользоваться случаемъ, и, подкравшись незамѣтно къ пушкамъ, от-

винтилъ замки у двухъ изъ нихъ. Затѣмъ мальчикъ пустился въ обратное путешествіе, захвативъ съ собой свои трофеи—замки пушекъ.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ блужданія по полю Мироненко, наконецъ, нашелъ своихъ и былъ радостно встрѣченъ солдатами, полагавшими, что его убили.

Мальчикъ разсказалъ обо всемъ случившемся своимъ товарищамъ по полку и показалъ свои трофеи; солдаты доложили объ этомъ командиру полка, который, по словамъ мальчика, наградилъ его Георгіемъ.

